

ДОКЛАДЫ
ПЕРЕСЛАВЛЬ-ЗАЛЕССКОГО
НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

ВЫПУСК 4

Залесский город Клещин
Старые боги
Забытая «потеха»

Москва 2004

ББК 63.3(2Рос-4Яр)
Д 63



Издание подготовлено ПКИ — Переславской Краеведческой Инициативой.

Редактор А. Ю. Фоменко.

Д 63 Доклады Переславль-Залесского Научно-Просветительного Общества. — М.: MelanarЁ, 2004. — Т. 4. — 22 с.

Хотите послужить Родине? Напишите аннотацию для этой книги, и мы все скажем вам спасибо.

63.3(2Рос-4Яр)

© Михаил Иванович Смирнов, 1919.
© Сергей Евгеньевич Елховский, 1919.
© MelanarЁ, 2004.

Залесский город Клещин

В древней и новой Переславской области целому ряду селений и пустошей присвоенно название «городищ», представляющих собою любопытные остатки и памятники давнего прошлого. На месте их много веков тому назад были «города», то есть огороженные места частоколами, деревянными стенами или земляными валами, строившимися по разным случаям — в целях военных, по административным соображениям, для богослужебных надобностей и других.

Из числа таких остатков старины известны:

- с. Городище на берегу Плещеева озера вблизи г. Переславля-Залесского.
- «Городище с деревнями Волнинскими», упоминаемое в завещании великого князя Василия II в 1462 г; точно так же, как и лужок Городище «под пустошью под Микитиным» с. Первятина на р. Саре (1640—52 г.), их надо искать в пределах теперешней Ярославской губернии.
- Городище — деревня на р. Кубре Глебовской волости Переславского уезда.
- Того же имени две пустоши Новосельского стана в 1640—52 г., одна близ речки Вселенки, другая близ р. Сабли.
- Городец — пустошь Бишняковской волости, Переславского уезда близ д. Антонки.
- Берендеев городок (Григорова, Гридина Городица) на Волчьих горах при Берендеевом болоте Переславского уезда.
- Городище — две деревни Александровского уезда, одна на р. Дубне, другая близ с. Хомякова.
- Того же имени пожня на р. Дубне.
- Городище — деревня на р. Клязьме Покровского уезда; и так далее.

Когда, кем, а также по каким случаям ставились эти городки, документальных сведений не имеется. Разгадку их прошлого может взять на себя главным образом археология, и при помощи обследований и раскопок извлечь возможный материал.

В пределах современного Переславль-Залесского уезда из всех этих городищ и городков обследовано в научном отношении одно городище Клещино, и только о нём одном имеются упоминания в летописях.

Обращаясь к последним, можно найти в трёх местах летописных сводов скудные о нём сведения.

При перечислении чудских племён, населявших среднюю Россию, летописец говорит: «на Ростовском озере Меря, на Клещине Меря же».¹ Анализируя летописное сказание, прежде всего необходимо решить вопрос: собственные названия озёр приводят летописи, перечисляя их, или не собственные?

Наименование Ростовского озера вместо собственного названия «Неро» по имени города заставляет думать, что то же сделано им относительно второго, так как оба озера упоминаются в общей связи и в одинаковых условиях; следовательно, надо считать, что последнее озеро названо также по имени города, и имя этому городу было Клещин. Таким образом, свидетельство летописца может быть перефразировано так: «На озере города Ростова — Меря, на озере города Клещина — Меря же».

¹ПСРЛ. I, 5; V, 84; VII, 263; X, 4; XVI, 35.

Второе упоминание летописи относится ко времени основания г. Переславля-Залесского: «В лето 6666... Юрьи Володимерич... Переяславль переведе от Клещина и заложи велик (созда болши старого) и церковь постави Святого Спаса в Переяславле».¹ Неясность этого свидетельства заставляет задать вопрос: «Клещино озеро или город Клещин имел в виду летописец, когда говорил о перенесении Переславля?» Так как впоследствии Переславль неоднократно назывался «иже на Клещине озере»,² то нет основания понимать это место летописи так, что город был перенесён от озера на озеро. Да оно так есть и по существу: город Переславль и теперь находится при том же озере, только на другом (восточном) берегу; его же предшественник Клещин был на северном. Следовательно, здесь может быть речь только о городе, о перенесении его, иначе сказать, об упразднении крепости и переводе дружины и гражданской администрации из Клещина в Переславль.

Неясность летописных сведений о Клещине и неясность самой редакции летописного текста («Переяславль переведе...») дали повод И. Е. Забелину считать единственным городом Залесья — Переславль.

Умалчивая о Клещине, он говорит: «Переславль (Залесский) и Суздаль, упоминаемые летописью после Ростова, существовали, однако, в X, а вероятно, и в IX веке, когда впервые упомянут и Ростов».³ Такому пониманию особенно способствует редакция Никоновской летописи: «созда болши старого». Выходит, что один и тот же Переславль был сначала в одном месте озера Клещина, потом в другом. Если принять во внимание, что был ещё Клещин, то, следовательно, на берегу озера надо искать три города. Но, несомненно, их было только два: бывший Клещин и существующий теперь Переславль.

Н. М. Карамзин так именно и признаёт этот исторический факт. Приводя летописное сказание⁴ о перенесении из Клещина в Переславль каменной церкви, комментирует его следующим образом: «Того же лета Юрий Володимерич в Суждальстей земли постави многи церкви каменны... и в Переяславль переведе от Клещина (бывшего недалеко от Переславля) заложение церкви и заложи во имя Всемиловитого Спаса».⁵

Таким образом, летописное свидетельство: «Переславль переведе от Клещина» может быть перефразировано: «Вместо Клещина сделал городом Переславль».

Наконец, третье и последнее летописное свидетельство о городе Клещине содержится в прямом указании его и перечислении наряду с другими городами. В списке городов Залесских между прочим говорится: «...Боголюбов, Володимерь, Клещин, Переяславль, Дмитров...».⁶

Рассматривая в совокупности приведённые свидетельства летописей, можно отметить, что первое косвенно, второе хотя неясно, но прямо, и третье несомненно говорят о городе Клещине. Вместе же взятые, они прочно устанавливают то положение, что на берегах Клещина (Плещеева) озера до основания г. Переславля существовал древний город Клещин.

Название это славянское. Оно может быть объяснено от глагола *клести* (кleshу), то есть щемить, жать, тискать. Но правильнее будет производить это название от другого слова — *клескать* (клескау, кleshу), что значит — плескать, бить, хлопать.⁷ С принятием последнего толкования легко объяснить существующее теперь собственное название Переславского озера. Оно известно под именем Плещеева. Раньше же в документах и актах XVII в. именуется Плещино.⁸ и Плещее.⁹ Таким образом, современное название есть видоизменение прежнего (Плещино) и перевод или объяснение древнейшего славянского названия (Кле-

¹ПСРЛ. IV, 8; IX, 196—197.

²ПСРЛ. XXI, ч. I, 63, 248, 297.

Степенная книга, издание 1775 г., 82, 315, 378, 446.

³Забелин, И. Е. История Русской жизни / И. Е. Забелин. — М., 1879. — Т. 2. — С. 387.

⁴ПСРЛ. V, 163.

⁵Карамзин, Н. М. История Государства Российского / Н. М. Карамзин. — Т. 2. — Прим. 376.

⁶ПСРЛ. VII, 241.

Никоновская летопись. — СПб., 1793. — С. 25.

Барсов. Материалы для историко-географического словаря России / Барсов. — Вильна, 1865. — С. 98.

⁷Даль, В. И. Словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — СПб., 1905. — С. 293.

⁸Найдёнов, Н. А. Переславль-Залесский. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий / Н. А. Найдёнов. — М., 1884. — С. 28.

⁹Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедиции императорской Академии наук / Археографическая комиссия. — СПб., 1838. — Т. 4. — № 282.

шино). Следовательно, Клещино то же, что Плещино, Плещее, Плещеево, а в таком случае Клещин иначе сказать Плещин. Таким образом, озеро и город имели однородное название, но, разумеется, не всегда. У озера было своё древнее мерянское название, давно, впрочем, забытое и утраченное.

Когда и кем поставлен был Клещин, можно установить только предположительно.

Археология прямого ответа на это не даёт. Добытые экспедицией 1853—54 г. находки свидетельствуют «о русском тут поселении»;¹ о найденных же и разрытых близ Клещина курганах (как и вообще о всех курганах Владимирского края) согласного решения нет: граф А. С. Уваров считает их мерянскими, а профессор А. Спицын — славянскими. Возможно среднее решение, что курганы были славяно-мерянского происхождения, но, тем не менее, строить на этом основании окончательные выводы невозможно. Приходится, следовательно, прибегать к соображениям другого рода.

Бесспорны исторические факты, что древними поселенцами края были меряне. В IV веке их воевали готы, в VII—VIII веке пришли сюда славяне, поставившие в зависимость Залесскую Мерю от Новгорода. Отсюда стали смотреть на мерянский край, как на свою колонию.

Под 859 г. начальная летопись передаёт, что в жизнь этого края вооружённой рукой вмешались варяги, заставившие платить себе дань как славян, так и мерю. Одна скандинавская сага, подтверждающая это, говорит, что владения гардов, или новгородцев, завоёванные варягами, до того были обширны, что вмещали в себе земли многих племён, правителями которых были: Моро в Мономаре (Муроме), Радстав в Радставе (Ростове), Эдваль в Сурздале (Суздале) и так далее. Все они были подчинены верховному правителю Новгорода.

Собравшись с силами, славяне и чудские племена восстали против варягов, изгнали их за море, перестали высылать дань и «начаша сами владети и грады ставити».

После образования Русского государства и обоснования в нём княжеской власти Олег «нача грады ставити и устави дани словенем и кривичем и мерем».

В это именно время, то есть в половине IX ст. или в самом начале X века, и возник Клещин. Поставить его могли в первом случае меряне для самозащиты, во втором славяне или, точнее говоря, государственная власть для сбора дани и объединения мерянской области с Русью.

Граф А. С. Уваров считает его «мерянским городом».² Но возможно и другое решение вопроса, что он основан был славянской властью. К этому приводят следующие соображения.

Летопись называет мерянской землёй область Ростовского и Клещинского озера. Сравнивая между собою эти области, мы находим следующую разницу: лишь Клещинские берега имели крепость, Ростовские были лишены этого; из 7729 курганов, исследованных графом Уваровым и Савельевым в бывшей мерянской земле, близ Клещина озера оказалось 2358 погребений, а на берегах Неро всего лишь 353.³ Разница эта не случайная, и объяснение её нужно искать единственно в этнографических особенностях той и другой местности. Летописец, живя в Киеве и пользуясь официальными данными, писал: «на Ростовском озере Меря, на Клещине Меря же». Очевидно, он перечислял эти местности в порядке административного их значения: сначала наиболее старый и важный Ростов, потом несколько поздний сравнительно с ним и менее значительный в административном отношении Клещин. С точки же зрения этнографической не следовало ли сделать наоборот: на первом месте поставить Клещин, а на втором Ростов.

Хотя Клещино озеро по пути из Новгорода лежит ближе, чем Неро, но славянская колонизация сюда в древнейшее время, надо думать, была небезопасна вследствие сильного мерянского элемента и большой его сплочённости. Область же Неро, хотя и несколько более удалённая от Новгорода, но с редким мерянским населением, сделалась с отдалённого времени местом значительной славянской колонизации. Колонизация эта, надо полагать, была стихийной и совершенно мирной. Значительное наличие славянского элемента и перевес его над туземным сделал возможным то, что Ростов лишь после смутного времени XVII века

¹ Уваров, А. С. Меряне и их быт по курганным находкам / А. С. Уваров // Труды I археологического съезда в Москве. — М., 1871. — Т. 2. — С. 656.

² Там же. — С. 656.

³ Там же. — С. 634.

обзавёлся земляным валом и стал крепостью, а до этого, подобно Суздалю (ставшему крепостью со времени Всеволода Большое Гнездо), не имел совершенно крепостных земляных сооружений. Это был административный-гражданский, а не военный областной центр.

Другое дело Клещин. Когда неорганизованная колонизация славян встретила сильное препятствие со стороны туземного населения, тогда явилась необходимость в создании на берегах здешнего озера опорного пункта. Для защиты славян-колонистов и для удержания в повиновении мерян необходима была крепость, где могла бы быть сосредоточена дружина и сильная власть в крае. Неотложность этого ощущалась, надо думать, ещё в Новгороде — метрополии здешних колонистов, а со времён князя Олега в Киеве. В противоположность Ростову, возникшему стихийно, Клещин, таким образом, был плодом политики и создан властью. Возможно, что потребность в его основании созрела ближайшим образом в Ростове, быть может, даже с целью обезопасить его от инородцев, а с другой для удобства управления и сбора податей в отдалённом таёжном краю, защищённом вековыми дебрями и холмами Залесья.

Поставлен был Клещин на северном, можно сказать, Ростовском берегу озера. Возможно, что сделано это было даже с целью более удобного и близкого сухопутного сообщения с Ростовом. Для устройства города выбрано было возвышенное плато между двумя оврагами, идущими параллельно с полем из нагорной части к берегам озера, Глининским, Глинницы тоже (справа), и Малой Слудой, Стрюгой тоже (слева), разветвляющейся против села Городище на два оврага: собственно Малую Слуду и Лисий или Влисий овраг. (Образуемая ими излучина называется Бремболой.)

Со стороны озера это плато имеет вид прямоугольника шириною по своей вершине свыше ста сажений [190 м] и длиною в версту [1,1 км]. Высота его над озером около 20 сажений [38 м]. В оконечности этой возвышенности над самым озером и был заложен Клещин. Земляные валы его, прекрасно сохранившиеся до настоящего времени, образуют неправильный овал. Со стороны озера этот овал захватывает прямую линию берега только серединой, оставляя справа угол, занятый славяно-мерянским кладбищем, и слева другой угол, имеющий название «Дудень». Со стороны оврага Глининского земляная насыпь подходит к нему вплотную, к Малой Слуде — оставляет довольно значительную полосу земли, соединяющую Дудень с селом. С четвёртой стороны, противоположной озеру, непосредственно за насыпью ров.

Окружность городка по земляному валу равна полуверсте [530 м], внутри по длине овала свыше 80 сажений [155 м], по ширине свыше 50 сажений [95 м]. Ширина и высота земляных стен не одинакова. Там, где естественная защита достаточна, они ниже и тоньше: где условия меняются, выше и толще. Самая значительная осыпь со стороны села; ширина в основании не менее 8 сажений [15 м] и высота около 4 сажений [7,5 м], в других местах, особенно от озера, она колеблется от 5 сажений [9,5 м] ширины и 1,5 сажений [2,9 м] высоты.

В городок вело четверо ворот: одни со стороны озера, вторые со стороны оврага Глининского, к тем и другим сохранились остатки дорог, проложенных к ним по склонам; третьи ворота к Малой Слуде и, наконец, четвёртые к селу Городищу, расположенному непосредственно за насыпью. Над этими воротами в древности, надо думать, стояли деревянные башни, а по гребню валов «рубленные» стены.

В общем, это была небольшая, но прекрасно защищённая крепость. Нельзя не подивиться тому уменью, с каким использована была для этой надобности местность, и искусству задуманного плана. Строители городка знали своё дело в совершенстве. И теперь на втором тысячелетии существования городка мы обязаны отдать им дань своего уважения.

С устройством Клещина славяне стали прочной ногой в Залесье и начали проводить начала государственности, подчиняя себе разбросанное по дремучим лесам туземное население. Клещин стал военно-административным центром края, где княжеская власть поместила своего постоянного представителя и наместника в лице начальника дружины и саму дружину как опору для водворения спокойствия и порядка. Для этих надобностей внутри города неминусом были помещения для начальников и дружины. С принятием христианства построен был деревянный храм, благовест со звонницы которого впервые прозвучал отсюда среди языческих мольбищ Клещина (Плещеева) озера, и здесь же были склады товаров византийских и западноевропейских. А под защитой крепостных стен вблизи Клещина

и по Залесью начали образовываться посёлки выходцев-славян, направлявшихся с течением времени сюда главным образом с юга, из Киева и других мест.

Пошла новая жизнь. Дотоле мерянский край стал направляться в новое русло истории. Славянский элемент окреп и усилился. Превосходя в культурном отношении мерян, пришельцы подчинили их своему влиянию и заставили тех перенимать свой язык, новые нравы и обычаи. Шаг за шагом шла эта работа, продолжавшаяся столетия и направлявшаяся в течение их из г. Клещина. Была ли эта работа мирной, или сопровождалась вспышками сопротивления со стороны туземцев, летопись не сохранила об этом известий. Но трудно допустить, чтобы меряне всегда и во всём были безусловно покорны пришельцам. Должны быть и неминуемо были возмущения, когда со стороны славян применялись к ним насилия при сборе дани, производстве суда и расправы, распространении веры Христовой и прочем.

Являясь центром краевого управления, откуда по Залесью шли распоряжения и приказы, посылались отряды дружины и собиралась дань, Клещин сыграл крупную роль в деле ослабления мери и создания здесь великорусской народности. Вся основная и тяжёлая работа в этом направлении выпала на его именно долю.

К тому же времени по намёкам истории можно отнести основание некоторых монастырей Залесского края. Самые древние из них возникли поблизости Клещина и как бы под защитой его. По-видимому, древнейшим из них был Никитский, а затем Борисоглебский. Последний возник вблизи языческого мольбища, существовавшего до начала XVII ст. Возможно, что в это же время появились монастыри на Горнице и на Александровой горе, где также, надо думать, были языческие требища.

В первой половине XII ст. предполагено было в Клещине соорудить каменный храм. Для этого из далёких мест привезён был белый камень и произведена закладка новой церкви, долженствовавшей служить достойным памятником обращения язычников этого края в православие. Но колесо истории повернулось в другую сторону. Начатые работы были прекращены в этом месте. Клещин совершил своё провиденциальное назначение и должен был уступить своё место другому. Военно-административным центром области был избран Переславль.

Нужно сказать, что к этому времени Клещин выполнил свою миссию настолько, что славянская государственность и культура господствовали в этом краю: верой народной было православие, языком русский, представлявший собой некоторое видоизменение славянского; явилась новая народность — великорусская. При изменившихся обстоятельствах Клещинская крепость потеряла своё первоначальное значение и время предъявило к ней новые требования. Мерян, как мятежных инородцев, больше не существовало. Большинство из них было ассимилировано, а те, кто не пожелал подчиниться новым порядкам, бежали на Волгу, и как не без основания полагают, составляют с тех пор Черемисское племя.¹ Надобности с этой стороны в Клещинской крепости не было.

Но на смену этому пришла новая забота: политика удельных князей, явившаяся одновременно с ними на север из Киева. До 1100 или 1105 г. Клещинский край управлялся из Приднепровья, с этого же времени на севере образовался особый удел, доставшийся младшему сыну Мономаха — Юрию Долгорукому. Присутствие князя, вечно ссорившегося с южанами, втянуло Залесье в его личную политику. Опасаясь нападения южных князей, он вынужден был создать ряд крепостей, особенно после Черниговского похода 1152 г. Тогда же был заложен г. Юрьев, решено упразднить Клещин и на месте его создать первоклассную крепость в г. Переславле.

Разумеется, можно было бы на том же возвышенном берегу озера заложить новую крепость, или дополнительно укрепить Клещин. Но он не подходил под тип того города, какой выработал себе князь Юрий. Здесь не было закрытой равнины, болота и по соседству реки. Открытое высокое место с прекрасным видом на озеро было не во вкусе Долгорукого. И потому как город Юрьев, так и Переславль оказались созданными в низменных болотистых

¹ Семёнов, Т. К вопросу о родстве и связи мери с черемисами / Т. Семёнов // Труды VII археологического съезда в Ярославле в 1897 г. — М., 1901.

Кузнецов, С. К. Русская историческая география / С. К. Кузнецов. — М., 1910. — Т. 1.

Ключевский, В. О. Курс Русской истории / В. О. Ключевский. — М., 1904. — Ч. 1. — С. 362.

равнинах, закрытых прилегающими возвышенностями, при реках; первый при Колокше, второй при Трубеже. Это была система; в этом же роде был создан потом Дмитров.

Таким образом, в 1152 г. после трёх- или двухсот лет существования, Клещин был упразднён, «переехал славу» его новый город на берегу р. Трубежа. Здесь заложена была могучая по тому времени крепость, превосходившая Клещинскую почти в пять раз своими размерами. Только при Боголюбском один г. Владимир начал превосходить Переславль своими крепостными сооружениями. Это были две самых грозных крепости в Ростовско-Суздальском краю, расположенные в далёких концах одна от другой.

С переводом в Переславль дружины и всего управления Клещин окончательно попал за штат и подвергся естественному в таких случаях процессу оскудения и угасания: «тихо опочил». Мало-помалу он становился селом сначала подклетным князей Переславских, потом великих князей и царей Московских. Вместо Клещина захудавшее селение именуется Городищем, теряет собственное имя и переходит в разряд многочисленных анонимных городков. С этим названием поступило от царя Ивана IV в собственность Никитского монастыря (в 1564 г.), во владении которого находилось до самой секуляризации монастырских вотчин (1764 г.) Теперь Городище — рядовое село Переславской волости и уезда.

М. И. Смирнов

Старые боги

Фетишизм в массе простого народа весьма силён и теперь. Вера его во многом носит характер внешности и обрядности, существо же христианского вероучения его коснулось мало. Заповедь о братстве и любви ему чужда, удел немногих, но зато механическое выстаивание служб, заказных молебнов, ставление перед иконами свечей, прикладывание к иконам и прочие вещи, заменяющие ему душу религии, имеют характер всеобщности и считаются настоящим христианством.

Чем раньше мы возьмём время, тем сильнее выступает эта черта и тем яснее будет для нас, откуда ведёт своё начало это явление.

Корни его надо искать в глубине времён, когда наши прадеды были настоящими поклонниками деревьев, камней, амулетов, талисманов и прочего. Оставаясь в течение веков неграмотным и тёмным, русский народ бессознательно сохранил в своих религиозных представлениях и действиях языческие понятия и остаётся с ними по настоящее время, хотя нужно сказать, революция посмыла довольно многое в этом отношении.

Не так давно можно было наблюдать, а может быть, существует и теперь в Переславском уезде факт жертвоприношения камню. В Берендеевом болоте есть вблизи Волчьих гор в пустоши Гридина Городица синий камень, или, как уверяют, каменная баба. Бабу эту решено было при постройке каменной церкви в селе Лаврове взять для фундамента, но вследствие большой тяжести увезти не удалось; тем не менее, будто бы при наваливании на подводу опрокинули её и часть отбилась. С тех пор, а было это лет 60—70 тому назад, виден только синий камень, один из множества валунов, принесённых в наш край в ледниковый период, ничем не напоминающий форму бабы. Несмотря на это, народ по-прежнему зовёт её синей или каменной бабой и чтит её совсем не простым камнем.

Деревенские бабы, чтобы не заблудиться, когда собирают клюкву в Берендеевом болоте, кладут перед камнем ягоды и, выворотивши наизнанку платье, задом уходят от неё; бывают будто бы приношения сюда и по другим поводам, так что временами там можно находить, кроме ягод, и хлеб.

Подобное же было в самом Переславле-Залесском до начала XVII в.

Бысть во граде Переславле камень за Борисом и Глебом в бояраку, в нём же вселися демон, мечты творя и привлагая к себе ис Переаславля людей: мужей и жён и детей их и разсеая сердца в праздник великих верховных апостолов Петра и Павла. И они слушаху его и к нему стекахуся из году в год и творяху ему почесть.

Это было рядом с Борисоглебским монастырём, основанным вблизи языческого мольбища ещё во времена города Клещина, следовательно, до половины XII века.

Камень этот был изъят Иринархом Ростовским, по его приказанию зарыл его в землю дьякон Семёновской церкви Ануфрий, болевший лихорадкой. За свой подвиг он исцелился от этого недуга, но зато нажил врагов в лице почитателей камня, среди которых были не только миряне, но и иереи.

Граф А. С. Уваров в своём исследовании «Меряне и их быт»¹ говорит, что этот камень был сброшен в реку Трубеж. То же самое повторяет С. К. Кузнецов в «Русской Исторической Географии».² Но камень давно находится на берегу Переславского озера, только

¹ Уваров, А. С. Меряне и их быт по курганным находкам / А. С. Уваров // Труды I археологического съезда в Москве. — М., 1871. — Т. 2. — С. 704.

² Кузнецов, С. К. Русская историческая география / С. К. Кузнецов. — М., 1910. — Т. 1. — С. 81.

на другом месте, чем был первоначально. Дело в том, что, сваленный и зарытый в землю, постепенно под влиянием дождей он снова мало-помалу оказался наружи. И в таком виде лежал много лет, не возбуждая к себе, однако, того почёта, которым пользовался раньше. Когда в конце XVIII ст. (а именно в 1788 г.) приступили к постройке Духовской церкви, то решили воспользоваться этим камнем в качестве материала для церковного фундамента. Спустив бывшего бога с горы на озеро зимою, повезли его по льду. Так как камень очень массивен и весит около 250 пудов [4,1 т], то лёд под ним не выдержал, и камень утонул на глубине двух аршин [1,3 м]. Через несколько лет он был на сухом берегу Переславского озера около Александровой горы, и по этому поводу в 1850 г. возникла любопытная полемика на страницах «Владимирских Губернских Ведомостей». Инженер-технолог И. Несытов в заметке «Чудное свойство Плещеева озера» доказывал, что это произошло силою магнитного притяжения берегового грунта. Г. Доброхотов, подтверждая то же (в заметке «Ещё несколько слов о Плещеевом озере»), объяснял это явление строением дна, имеющего вид постепенно наклонной плоскости к центру озера. Н. М. Меморский в заметке «Отголосок на статью „О чудном свойстве Плещеева озера“» разъяснил им, что камень был выперт на берег силою весенних льдов.¹ По словам К. Н. Тихонравова, был ещё, очевидно, другой камень, имевший около пяти аршин [3,1 м] длины, четырёх [2,5 м] ширины и двух с половиною [1,6 м] вышины. В сороковых годах он был разбит и вывезен на строившееся тогда шоссе.²

Кроме этих камней, к серии старых богов Переславского края следует отнести глиняного идола, найденного графом А. С. Уваровым в курганах близ села Веськова, и небольшого божка, выточенного из валуна, отысканного А. С. Ермолаевым в местности «Пальники» близ дер. Троицкого. Последний находится в Переславском народном музее.

«Кумир поверженный — всё бог».

И живучесть грубого язычества, наблюдаемого теперь в Переславском краю, как бы иллюстрирует эти слова поэта. Старые боги умерли здесь лишь номинально...

М. И. Смирнов

¹Владимирские Губернские Ведомости. — 1850. — №№ 45, 50 и 52.

²Тихонравов, К. Н. Переславский Ботик Петра Великого / К. Н. Тихонравов. — М.: Издательство А. Мартынова, 1872. — С. 5—6.

Забытая «потеха»: из истории Переславской флотилии Петра Великого

В конце XVII ст. на долю чистых вод Переславского озера выпала задача высокого исторического значения. Им суждено было стать колыбелью русского флота и подготовительной школой мореходства для великого основателя наших морских сил.

Правда, здесь была «потешная» флотилия, а не настоящие корабли. Но Преображенский и Семёновский полки вначале тоже были «потешными» полками, из каких потом образовалась регулярная армия. То же самое произошло и с Переславской флотилией. Она была действительным зародышем нашего морского могущества, развившегося потом при преемниках Петра Великого.

Печальная судьба этой флотилии известна. Она играла активную роль лишь в период времени от 1688 г. по 1693 г. в течение, следовательно, около пяти лет, — притом нужно сказать, далеко не полных. В течение их были значительные перерывы, когда, отвлекаемый другими делами и работами, Пётр оставлял её в стороне и возвращался, когда находил время.¹

С последних чисел мая 1693 г. он оставил её окончательно, и на её долю выпадает страдательная роль. Но ещё некоторое время по инерции дело продолжает идти: Клас достраивает большой корабль; холмогорские, вологодские и тотемские плотники занимаются починкой флотилии. Имеется для этого специальный дворцовый надзор. Присылаются сюда для малярных работ по окраске судов раскассированные царём Петром дворцовые художники и иконописцы.²

Но мало-помалу дело замирает совсем. Намеченная раньше программа судостроения оставляется. Не только не производится постройка новых судов, а и прежним не даётся никакого ремонта. Вместо плотников наблюдают за попавшею за штат флотилией рыбные ловцы переславской Рыбной Слободы и переславские посадские люди. Высший надзор на месте за сохранностью и целостью её переходит к переславским воеводам. Таким образом, к концу XVII ст. флотилия была окончательно сдана в архив и забыта.

Сам Пётр Великий вспоминает о ней только однажды в 1697 г., когда ему понадобилось провести в Каспийское море корабль, построенный Класом; а потом за тысячью разных дел и начинаний снова забывает о своей Переславской «потехе». И только через 29 лет после её создания видит её вновь при проезде через Переславль в Персидский поход.

¹Подробнее об этом в очерке М. И. Смирнова: *Смирнов, М. И.* Переславль-Залесский. Его прошлое и настоящее / М. И. Смирнов. — М., 1911. — С. 133—146.

²*Успенский, А. И.* Царские иконописцы и живописцы XVII в. / А. И. Успенский. — М., 1910. — С. 21, 49, 93, 118, 154 и др.

В 1694 г. у корабельных дел в Переславле-Залесском были: Мазилковский Самойло, Малентьев Савин, Полосухин Никита, Сазонов Артемий, Селиверстов Михаил, Балашов Дмитрий, Волков Гавриил, Золотой Пётр, Иванов Елисей, Костоусов Герасим. Последние пять писали в своей челобитной: «Работаем мы вам, великим государям, всякие ваши верховья и приказные дела непрестанно и в посылках дальних — в Переславле-Залесском у корабельных дел непрестанных, платишком ободрались и одолжали великими долги и скитаемся с женишками и детишками меж двор для того, что нам на прошлые 196 и 197 г. жалованья не дано».

Что случилось с ней за такой большой срок, лучше всего характеризует его гневный указ 7 февраля 1722 г. воеводам переславским. «Надлежит вам, — писал он, — беречь остатки кораблей, яхт и галеры, а буде опустите, то взыскано будет на вас и на потомках ваших, яко пренебрегших сей указ».

Только крик оскорблённого сердца и грубо разбитых воспоминаний мог продиктовать ему эти строки. В них виден гнев и вместе с тем бессилие перед свершившимся фактом, а также страстное желание сохранить потомству хотя бы остатки своей «потехи», породившей большое дело. Своим властным повелением поставить хранение её в благоприятные условия он ясно даёт понять, какое серьёзное значение он придаёт своей забытой «игрушке».

Теперь ему пришлось увидеть картину, ничего не имеющую общего с прежним. Вместо целых законченных сооружений были остатки прежнего. Время и стихия наложили на них печать сильного разрушения. Исправить их было уже невозможно; созидать же вновь бесцельно. И вот император повелевает хранить остатки.

Из того обстоятельства, что он не взыскивает за происшедшее с местных властей, можно заключить, что эту вину он берёт на себя. Не было надлежащего распоряжения, не имелось и правильной охраны. Без его строгого указания всё шло рутинным порядком и, в сущности, соблюдалась казённая видимость, что охрана производится.

На самом же деле суда были разбросаны в разных местах. Часть их оставалась вблизи бывшей верфи у делового дворца при с. Велькове.¹ Большинство же было в самом Переславле: крупные в р. Трубеже, а мелкие на обоих берегах реки — близ церкви Ивана Богослова на правом берегу и на лугу близ Рождественских городских ворот и церкви Знамения на левом. Они не были защищены и валялись неогороженными прямо под открытым небом на земле. Стоявшие же в воде подвергались ещё большей порче от действия вод. В летнее и осеннее время они просто гнили, зимой их коробило льдом, в полоую же воду разрушало и било во время ледохода. И это почти в течение трёх полных десятков лет.

Снятое с кораблей снаряжение и разные принадлежности хранились также не в одном месте. Лежали они по разным амбарам: на деловом дворе близ с. Вельково, в самой дворцовой усадьбе по «светлицам» и, наконец, в Переславле-Залесском по частным амбарам. Хранилась, например, у некоего Гаврилы Быкова разная корабельная снасть. Её стерегли, но когда хватились, она исчезла неизвестно куда.

Всему этому были инвентарные книги. Воеводы Переславские принимали и сдавали по ним суда и корабельную снасть вместе с прочим городским имуществом. И хотя до 1722 г. их сменилось несколько человек, порча и расхищение судового имущества замечены ими не были.

Процесс мирного разрушения был резко нарушен грозным распоряжением императора. Сейчас же вслед за его указом 7 февраля 1722 г. как муравейник зашевелились все причастные к этому делу учреждения.

Суть всей переписки сводилась к тому, чтобы сохранить «остатки яхт и галер». Для этого признано было соответствующим положению дела собрать все находившиеся в самом г. Переславле-Залесском суда в одно место. Кроме «большого корабля» (фрегата), не поддававшегося по своему размеру и тяжести поднятию из воды, все остальные предложено было вытащить на берег, а фрегат окружить забором из свай в самой реке Трубеже, чтобы его не изломало полой водой. Находившиеся по обоим берегам суда решили переправить на один берег. Местом для этого был избран луг по берегу р. Трубежа, простиравшийся к Рождественским городским воротам. Свезённые в это место суда огородили и покрыли сверху крышей. Возник, таким образом, большой сарай или манеж, в котором суда могли быть надёжно защищены от дождя и влаги. Усиливалась охрана при судах: сторожа поставлены были по поручительству. Начаты розыски пропавшего корабельного имущества.

Скоро ли и в какой степени осуществлены были эти меры, за отсутствием документальных данных сказать ничего нельзя. Одно несомненно, что навес над судами в намеченном месте был устроен. Таким образом положено было начало новому характеру бережения флотилии. Веление императора было исполнено.

¹Смирнов, М. И. Справка о Переславской флотилии Петра Великого / М. И. Смирнов // Труды Владимирской учёной архивной комиссии. — Владимир, 1912. — Вып. 13. — С. 13—14.

Принятый при жизни способ хранения судов остался неизменным и после смерти Петра. Иных приёмов, более отвечающих положению дел, не применялось. Главное и почти единственное внимание было обращено на поддержание сооружения над кораблями, в его поправках и починках видели панацею от всех зол. Берегли больше всего футляр судов.

Но и относительно футляра приходится оговориться. С большой вероятностью можно думать, что при Петре I он выстроен был небрежно и также небрежно и дурно возобновлялся в последующее время. По крайней мере, через шесть лет после первоначальной постройки его пришлось перестраивать в 1728 г., через два года в 1730 г. ремонтировать основательно, — ещё через семь лет в 1737 г. заново перестраивать. Следовательно, на пятнадцати годах возобновляется три раза. Если считать, что разрушительно влияла болотистая местность, на которой было выстроено здание, то и в таком случае приходится признать ремонт его чрезмерно частым.

В результате такого положения вещей в 1737 г. состояние флотилии, в главной её массе, было безнадежным. «Ветхие корабли», как характеризует их официальный документ, продолжали приходить в ещё большую ветхость и неминуемо шли к полному разрушению.

Их находилось в то время на хранении в сарае 87 — больших и малых. Важно отметить эту цифру: она свидетельствует о том, что вся флотилия заключала в себе большое число судовых единиц, точное число которых неизвестно до сих пор. Вероятно, она достигала сотни и в общем своём виде в лучшую пору существования представляла внушительную картину.

Но теперь были одни гнилушки, а над ними возвышался гнилой пошатнувшийся сарай. Крыша его пропускала «великую течь», местами обвалилась, всё здание готово было рухнуть.

Такое состояние замечено было, наконец, властями в мае 1737 г. Открыл его неграмотный капрал Василий Бакшеев, служивший при Переславской Провинциальной канцелярии. Указав в своём отношении, написанном для него копиистом Леонтием Щелиновым, это обстоятельство, он просил «показанную ветхость осмотреть и описать».

Провинциальная канцелярия по этому поводу дала своему копиисту Илье Гаврилову «инструкцию», чтобы тот взял понятых «сколько человек пристойно, знающих людей добрых и прожиточных» и при их посредстве осмотрел и определил положение судохранилища. «И буде явится какова ветхость», составил смету на материал и работу, а результаты осмотра вместе с проектом сметы представил в канцелярию.

Комиссия нашла, что

у того сарая явилась ветхость, с обеих сторон того сарая столбы, в которые забраны брёвна вокруг того сарая, пошатнулись, некоторые подгнили от земли, также и брёвна, которые забраны в тот забор, внизу подгнили же и крыша того сарая во многих местах обвалилась.

На починку замеченных неисправностей определено: на материалы от 27 рублей 60 копеек до 34 рублей и за работу 30 рублей.

Но пока производили осмотр и составляли смету на «ветхие корабли», рухнула половина крыши сарая.

Московская Губернаментская канцелярия, в которую направлено было дело из Переславской провинции, ответила по этому поводу:

для сбережи в той провинции остатков кораблей, яхт и галер, кровли и заборы, без чего по самой крайней нужде пробыть невозможно, починить, а чего починить невозможно, вновь построить, как накрепче, дабы впредь частых починков не требовало. А на построение деньги в расход держать без излишества из не положенных в стат доходов той провинции.

Вместе с тем Переславскому воеводе князю Щепину-Ростовскому было приказано, чтобы «оное строение построено было без всякой передачи, а ежели что построено будет плохо, и оное взыщется на нём»...

Привести в исполнение это дело было поручено стольнику Ивану Дмитриевичу Родышевскому, помещику сельца Вашутино Переславского уезда. За ним командирован был солдат Яков Щербаков, чтобы «взять в том сельце оного Родышевского самого для интересного дела, а взяв привести в Переславль-Залесский и объявить в Провинциальной канцелярии».

Здесь выдали назначенному строителю определённые сметой на материалы деньги (34 рубля) и снабдили инструкцией из следующих четырёх пунктов:

1. чтоб материалы были куплены без перерасхода и расходовавшиеся деньги записывались в особую шнуровую тетрадь;
2. чтобы при разборке сарая не повредить остатки хранившихся там судов и постройку произвести наивозможно крепче;
3. чтобы о всех непредвиденных им сверхсметных расходах доносить в провинциальную канцелярию и без её ведома ничего не делать;
4. в шнуровую тетрадь всё расписывать «со обстоятельством» и по окончании дела представить её в канцелярию.

По публикации, нужно сказать, написанной от руки провинциальным копиистом, были вызваны плотники. На вызов явились и взяли подряд крестьяне с. Велькова — Иван Гаврилов и Василий Тимофеев за 42 рубля. Им было поставлено в условие, чтобы весь старый сарай разобрать до основания, выбрать годный к употреблению материал и пустить его в дело, кораблям повреждений не причинять; — новые столбы ставить с крестовинами, кровли крыть с берестю, дабы «от дождя не было с той кровли в тот сарай никакой течи».

Во время производства работ выяснилось, что на материалы предусмотренных сметой денег не достанет. Родышевский просил добавить 20 рублей, что и было ему разрешено.

В самом начале ноября того же 1737 г. он доносил, что плотники произвели работу по условию; где нужно, произвели починку, а чего починить было невозможно, вновь построили. Вместе с тем представил в Провинциальную канцелярию отчётность о произведённых им расходах.

Всего оказалось в расходе на материалы 42 рубля 22 копейки и за работу 42 рубля, итого в конечном итоге 84 рубля 22 копейки.¹

Нет сомнения, что в течение последующих лет таких ремонтов судохранилища производилось немало, но для полной истории этих подробных сведений доколе не имеется. Тем не менее, и по отрывочному эпизоду можно составить себе довольно правильное представление о положении дела, в особенности если известен печальный исход его. Остальное могло быть в таком роде, или же даже хуже.

В то время как потешная флотилия ветшала и разрушалась, в самом Переславле-Залесском, вблизи его, при с. Велькове, происходил тот же процесс с бывшим Петровским дворцом и остатками хранившегося там корабельного снаряжения и судов. В соответствии с тем, что находившуюся в Переславле флотилию оберегали переславцы — дворец на горе Гремяч с его надворными постройками и разным корабельным имуществом был на ответственном хранении общества крестьян дворцового села Велькова. Они обязаны были нести караул и наблюдать за целостью находящегося здесь имущества.

В 1748 г. здесь было мёртвое царство. Насколько полвека назад кипела жизнь, было множество разнообразного и разноязычного люда: царедворцев, иноземцев, корабельных плотников и мастеровых, настолько теперь всё было тихо и пустынно. Мрачные и обветшавшие здания стояли одиноко и одно за другим сгнивали и выводились из строя.

Таким образом, забытою оказалась не только бывшая потешная флотилия, а и всё остальное, что было связано с ней. Исключения не было сделано ни для чего. Во всей совокупности вместе с постройками и разного рода сооружениями силою хода вещей всё было оставлено на заднем плане, оказалось ненужным, доживавшим свои дни.

17 мая 1748 г. вельковский староста Иван Иванов и выборный Лукьян Фёдоров доносили в Переславскую провинциальную канцелярию, что в одной из светлиц, находящихся при дворце, провалился потолок. В этой светлице окна и двери забиты накрепко гвоздями, что там хранится, они не знают и просят произвести освидетельствование случившегося.

Вследствие этого была наряжена комиссия, которая обнаружила там разные корабельные вещи.²

¹Изначальная сумма 64 рубля, перерасход на 32%. — *Ред.*

²Архив Министерства Юстиции Переславля-Залесского Уездного Суда, опись 9, вязка 3, дело № 77.

Куда они попали потом, из дела не видно, но можно думать, что их перенесли в другую ветхую светлицу и там сложили. Возможно, что часть их сохранилась до настоящего времени и находятся в существующем на «Переславском Ботике» музее.

Под стать общему разрушению в таком же виде находился дворцовый сад. Он был разбит на значительном пространстве во времена Петра I и состоял из ягодных кустов, фруктовых и декоративных деревьев. Раньше здесь находился дворцовый садовник, а потом за ним был поручен надзор и уход Переславской дворцовой садовой слободы садовникам. На их обязанности лежало «охранять, и расчищать, и для караулу при том быть безотлучно».

К 1748 г. никакой загородки около сада не было. Пользуясь этим, веськовская молодёжь производила опустошение то ягод, то фруктов, смотря по сезону. Выведенные из терпения садовники обратились в Провинциальную канцелярию с просьбой, чтобы обязать веськовских крестьян огородить его пристойным образом. Канцелярия согласилась и потребовала, чтобы сельский староста Иван Иванов дал в этом подписку. Но тот, ссылаясь на отсутствие специального дворцового распоряжения, «упрямством руки не приложил».

Так из этого ничего и не вышло. Фрукты и ягоды продолжали находиться в опасном положении, но, тем не менее, часть их выращивалась, продавалась, и вырученные суммы поступали в доход дворцового ведомства.

Интересно с нашей точки зрения, как это делалось. Садовники давали знать в Земскую Избу или Провинциальную канцелярию, что поспели такие-то ягоды или фрукты. Отсюда высылались специальные оценщики, которые определяли, сколько именно можно продать и сколько за них выручить.¹

Так, в августе 1748 г. садовники доносили, что «яблонях на 15 деревьях имеются ныне вырослю яблок разных вкусов на каждом по небольшому числу, а по скольку именно показать невозможно, и подлежат оные с тех дерев к снятию.» Вследствие этого командирован был в Веськовский сад дворянин Ларион Ляпунов. Ему было приказано, «призвав торгующих яблоками купцов, оные продать, смотря казённой прибыли и что по продаже за те яблоки денег будет взято объявить на приходе в Переславле, также и всё то исполнение в Провинциальной канцелярии при рапорте немедленно». Когда сняли яблоки, их оказалось шесть четвериков [12 вёдер]. Цена на них определена была по десяти копеек за четверик. И, таким образом, выручено было 60 копеек, поступивших в дворцовый доход. Об этом был составлен официальный акт.

Печальный конец Веськовского дворца и сада известен. И хотя подробности его дальнейшего существования мы почти не знаем, но для нас ясна суть его судьбы.²

М. И. Смирнов

¹Московский Архив Министерства Юстиции, опись 5, вязка 1, дело № 4.

²Московский Архив Министерства Юстиции, опись 5, вязка 1, дела №№ 9, 10, 18, 20, 33; опись 8, вязка 4, дело № 111; опись 9, вязка 3, дело № 77.

На Клещине озере

Волны гулливые,
Волны игривые
Пенятся, брызжут, бурлят.
О чём-то минувшем,
О чём-то уснувшем
Те волны шумят, говорят.

Седое былое родной стороны
Слышится в шуме волны.

Эти забытые,
Лесом покрытые
Горы, овраги, холмы;
Эти великие,
Старые, дикие
Камни, цари-валуны.

Древние дюны, мох цепкий, седой,
Это мой край дорогой.

Эти болота, леса и поляны,
Эти могилы, валы и курганы,
Эти пруды, этот ров,
Все эти храмы, часовни, соборы,
Монастыри, и деревни и сёла,
Речки заглохшие, чудное озеро,
Это старинное Клещино озеро,
Этот свидетель веков,
Свидетель бурливый, свидетель немой —
Это мой край дорогой!

Волны гулливые,
Волны игривые
Пенятся, брызжут, бурлят.
О чём-то минувшем,
О чём-то уснувшем
Те волны шумят, говорят.

Сказание о Берендеевом болоте

Давно это было в седые века,
Как шумели леса непроходны,
Посередине озера великого
Выступала, стояла великан-гора.
А на той горе, на самом верху,
Облаками окутанный, город был.
И жила-была в том городе
Во богатых хоромах Рогнеда-вдова.
А управляла она своим городом,
Своим городом ровно десять лет.
Тяжело было править Рогнеде-вдове:
Горожане — народ непокорливый,
Непокорливый, буйный, а пуще того
И с нечистью поганою знается.

То не ветер завыл поздней осенью,
Не волны у скал разгулялися,
То сам царь водяной зычным голосом,
Зычным голосом, что небесный гром,
Созывает русалок на сходбище:
— А вы дети мои, дети озера,
Не забудьте, как только луна взойдёт,
Собирайтесь все вы у берега,
Вы порадуйте, расскажите мне,
Сколько глупых людей обманули вы,
Сколько глупых людей заманили к нам? —
И целую ночь до самой зари
Слышен смех и веселье великое.
И грозно шумит тогда озеро,
И черней оно ночи-полуночи.
И страшен тогда лес заколдованный.
И пропал-погиб честной человек,
Коли выйдет в ту ночь он на озеро,
Коль услышит он смех тот русалочий.

И был у той вдовы сын Берендей.
Ни мал — ни велик во тринадцать лет.
И Рогнеда души в нём не чаяла,
Вся надежда была лишь на нём на одном.
Точно деревцо на поле, рос Берендей,
С каждым днём набирая уму-разуму,
С каждым часом он силушки-здоровьица,
Свою старую мать утешаячи.
Как с высокой скалы молодой орёл
Собирался на волюшку вылететь,

Свои силы по ветру испробовать;
Да случилась вдруг буря великая.
Откуда ни возьмись — чёрно облако,
И стрелою скалу ту разрушило;
И погиб со скалой молодой орёл.
Как впервые собрался молодой Берендей
Свою землю, народ обойти, посмотреть.
Не ходи, Берендей! Слышишь — лес шумит,
Слышишь, озеро как расходилося.
Вот подходит к крутому он берегу.
Видит он — побагровело озеро,
Побагровело, будто пред бурей,
Дикий смех Берендею послышался.
И хотел уж уйти он от берега.
Обернулся, видит: смеётся народ.
Отступил было опять Берендей,
Да упал он с горы прямо в озеро.
То не гребни белеют у берега,
Не вода шумит, разбуянилась:
То русалки с самим водяным царём
Богатой добыче радуются.
А втапору во хоромах Рогнеда-вдова
Как поведала горе-злосчастие,
Как услышала, не вынесла,
Прокляла она озеро.
И провалился город, как его не было,
И обернулась Рогнеда в бабу каменную,
И стало озеро уходить-зарастать,
И стало там болото великое
По прозванью Берендеево.
И живёт там сила нечистая,
И блуждает она под кочками.
А во веки не выйти ей оттуда, не выбраться,
Велико на ней проклятие.

С. Е. Елховский

Предметный указатель

Александрова гора.....	7, 10	Клас.....	11
Александровский уезд.....	3	Клещин город.....	9
Антонка деревня.....	3	Клещино озеро.....	4
Ануфрий дьякон.....	9	Клязьма река.....	3
Бакшеев Василий.....	13	Колокша река.....	8
Балашов Дмитрий.....	11	Костоусов Герасим.....	11
Берендеев городок.....	3	Кубря река.....	3
Берендеево болото.....	3, 9	Кузнецов С. К.....	9
Бишняковская волость.....	3	курганы.....	5
Боголюбов город.....	4	Лаврово село.....	9
Борисоглебский монастырь.....	7, 9	Ляпунов Ларион.....	15
Быков Гаврила.....	12	Мазиловский Самойло.....	11
Василий II, великий князь.....	3	Малая Слуда.....	6
Вашутино село.....	13	Малентьев Савин.....	11
Веськово село.....	10, 12, 14	Меморский Н. М.....	10
Владимир город.....	4, 8	монастырь	
Волков Гавриил.....	11	Борисоглебский.....	7, 9
Волчьи горы.....	3, 9	Никитский.....	7, 8
Всеволод Большое Гнездо князь.....	6	Муром город.....	5
Вселенка река.....	3	навес над судами.....	12, 13
Гаврилов Иван.....	14	Неро озеро.....	3
Гаврилов Илья.....	13	Несытов И.....	10
Глинницы.....	6	Никитский монастырь.....	7, 8
Городец пустошь.....	3	Новгород город.....	6
Городище село.....	3, 6, 8	Новосельский стан.....	3
Гридина Городица пустошь.....	9	Олег князь.....	5, 6
Дмитров город.....	4, 8	Пётр I царь.....	11
Доброхотов Г.....	10	Первятино село.....	3
Дубна река.....	3	Переславль город.....	7, 8
Ермолаев А. С.....	10	Персидский поход.....	11
Забелин И. Е.....	4	Петровский дворец.....	14
Золотой Пётр.....	11	Плещеево озеро.....	9, 11
Иван IV Грозный царь.....	8	Плещино озеро.....	4
Иванов Елисей.....	11	Покровский уезд.....	3
Иванов Иван.....	14, 15	Полосухин Никита.....	11
Иринарх Ростовский.....	9	Провинциальная канцелярия.....	13, 15
каменная баба.....	9	Родышевский И. Д.....	13, 14
Карамзин Н. М.....	4	Рождественские ворота.....	12
Каспийское море.....	11	Ростов город.....	4–6
		Ростовское озеро.....	3, 5

Рыбная слобода.....	11	Фёдоров Лукьян	14
Сабля река	3	Хомяково село	3
сад Петровского дворца	15	церковь	
Сазонов Артемий	11	Духовская	10
Сара река	3	Знамения	12
Селиверстов Михаил	11	Иоанна Богослова	12
Синий камень	9	Спасо-Преображенский собор.....	4
Спицын А.	5	Щелинов Леонтий.....	13
Суздаль город	4–6	Щепин-Ростовский князь, воевода	13
Тимофеев Василий	14	Щербаков Яков	13
Тихонравов К. Н.....	10	Юрий Долгорукий князь	4, 7
Троицкое деревня	10	Юрьев-Польский город.....	7
Трубеж река	8, 12		
Уваров А. С.....	5, 9, 10		
указ о сохранении кораблей	12		

Оглавление

Залесский город Клещин. <i>М. И. Смирнов</i>	3
Старые боги. <i>М. И. Смирнов</i>	9
Забытая «потеха»: из истории Переславской флотилии Петра Великого. <i>М. И. Смирнов</i>	11
На Клещине озере. <i>С. Е. Елховский</i>	16
Сказание о Берендеевом болоте. <i>С. Е. Елховский</i>	17
Предметный указатель	19

